

Научная статья

УДК 81'42

DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-109-123

Маска шута в повести Ю. Вяземского «Шут»

Марина Владимировна Шпильман

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

s.m.v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3931-6515>

Аннотация

На материале повести Ю. Вяземского в статье анализируется речевая маска шута, которую использует главный герой как средство борьбы с несправедливостью окружающих. Анализ словарей и корпусных данных показал, что в современном употреблении слово *шут* встречается в значении 'тот, кто паясничает и балагурит на потеху другим, является общим посмешищем', основными семами являются 'смех' и 'представление'. Однако в повести героем разграничиваются понятия *школьный шут* и *настоящий Шут*, первое соотносится со словарным значением и имеет пренебрежительную коннотацию, вторым он называет себя; *настоящий Шут* совершенно несмешной, его боятся и уважают. Поскольку целью использования речевой маски является наказание противника, а не развлечение зрителей, в основе маски оказывается представление о шуте как человеке, который демонстративно и зло обнажает пороки людей, но делает это подчеркнуто безразлично и немногословно. Основными средствами создания маски являются эмотивно-оценочная лексика, разговорная и просторечная лексика, ироничные уменьшительно-ласкательные обращения, а также невербальные средства, передающие грубовато-эмоциональную манеру речи.

Ключевые слова

языковая личность, речевая маска, лингвоперсонология, антропоцентризм, анализ текста, коммуникативная стратегия

Для цитирования

Шпильман М. В. Маска шута в повести Ю. Вяземского «Шут» // Критика и семиотика. 2024. № 2. С. 109–123. DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-109-123

© Шпильман М. В., 2024

The Mask of the Jester in the Story of Yu. Vyazemsky “Jester”

Marina V. Shpilman

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation
s.m.v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3931-6515>

Abstract

Based on the material of the story by Yu. Vyazemsky, the article analyzes the speech mask of the jester, which is used by the main character as a means of combating the injustice of others. An analysis of dictionaries and corpus data showed that in modern usage the word *jester* is found in the meaning of “one who clowns around and makes jokes for the amusement of others is a common laughing stock”, the main senses being “laughter” and “performance”. However, in the story the hero differentiates the concepts of *a school jester* and *a real Jester*, the first relates to the dictionary meaning and has a disparaging connotation, the second he calls himself; *the real Jester* is completely unfunny, he is feared and respected. Since the purpose of using a speech mask is to punish the enemy, and not to entertain the spectators, the mask is based on the idea of a jester as a person who demonstratively and evilly exposes the vices of people, but does this in a pointedly indifferent and laconic manner. The main means of creating a mask are emotive-evaluative vocabulary, colloquial and vernacular vocabulary, ironic diminutives, as well as non-verbal means that convey a rudely emotional manner of speech.

Keywords

linguistic personality, speech mask, linguistic personology, anthropocentrism, text analysis, communication strategy

For citation

Shpilman M. V. The Mask of the Jester in the Story of Yu. Vyazemsky “Jester”. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2024, no. 2, pp. 109–123. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-109-123

Текст является объектом исследования разных наук, лингвистические исследования текста имеют полипарадигмальный характер: он изучается в рамках коммуникативной и функциональной стилистики, когнитивной лингвистики, лингвоперсонологии и пр. По справедливому замечанию Л. Н. Чуриловой, «текст предстает как продукт самого сложного вида коммуникации – коммуникации литературной (В. В. Степанова, Н. Е. Су-

лименко, Н. С. Болотнова), субъектами которой являются не только автор и читатель, но и персонажи как личности говорящие и слушающие, мыслящие и действующие в “воображаемом” мире, “творимом” текстом» [Чурилина, 2003, с. 64]. Поэтому в исследованиях текста, в частности художественного, в центре внимания чаще всего оказывается человек как языковая личность: антропоцентризм исследований текста обусловлен интересом к специфике и особенностям текстового воплощения авторской языковой личности, созданию речевого портрета персонажа, к характеру взаимодействия автора и адресата текста и т. д.

Как отмечает Ю. Д. Родина, термин *языковая личность* трактуется по-разному: «с учетом дополнения антропологического родового компонента (субъект, человек, индивид, носитель языка); с опорой на языковые особенности; с включением внеязыковых компонентов (междисциплинарные толкования); в коммуникативном аспекте; с позиций лингвокультурологии и т. д. При всем разнообразии подходов к определению феномена “языковая личность” представители различных направлений солидарны в признании того факта, что данные подходы не являются взаимоисключающими, но носят взаимодополняющий характер» [Родина, 2020, с. 9].

Ю. Н. Караулов [1987] первым отметил возможность и продуктивность изучения персонажа как модели языковой личности, поскольку такая «художественная модель» почти всегда имеет в реальном мире соответствие с определенной «социальной моделью»: «Говорящий человек в романе – существенно социальный человек, исторически конкретный и определенный, и его слово – социальный язык (хотя и в зачатке), а не “индивидуальный диалект”» [Бахтин, 1995, с. 108].

Л. О. Чернейко, сопоставляя определения термина *языковая личность*, выводит два положения, важных для когнитивной лингвистики: «1) “языковая личность” – это лингвистический инструмент моделирования представлений конкретного человека... о мире, выражающихся в его речевом поведении, воплощенном в устном или письменном видах текста, 2) алгоритм использования этого инструмента... непременно связан со статистикой... позволяющей вычленив в речах те языковые средства, которые и являются специфическими для данной личности, “проявителями” ее индивидуальности» [Чернейко, 2020, с. 137].

Таким образом, изучение персонажа художественного текста в качестве модели языковой личности открывает широкие возможности для исследователя. В частности, как отмечает Г. Г. Хисамова, «языковая личность в условиях общения может рассматриваться как коммуникативная лич-

ность, являющаяся носителем культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок поведенческих реакций» [Хисамова, 2010, с. 774], а потому изучение этих поведенческих установок персонажа художественного текста позволяет предполагать подобные установки и у реальной языковой личности.

В рамках этого подхода в данной статье рассматривается речевая маска шута, которую использует Валя Тряпишников – главный герой повести Ю. Вяземского «Шут»¹. Под речевой маской (далее – РМ) мы понимаем чужой языковой образ, который основан на зафиксированном в сознании носителей языка стереотипном представлении о том или ином типе коммуникантов. Выбор этого образа обусловлен целями говорящего, ситуацией, формой общения, фактором адресата; чужое речевое поведение используется, как правило, временно и ситуативно, при этом четко осознается использующим его как чуждое.

Цель статьи – выявить основания, на которых герой повести создает речевую маску шута, описать особенности ее реализации, а также охарактеризовать специфику предъявления образа персонажа в повести Ю. Вяземского «Шут».

В «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой слово *шут* имеет 4 значения: 1. В старину: лицо при дворце или барском доме, в обязанности которого входило развлекать своих господ и их гостей забавными выходками, остротами, шутками. 2. Комический персонаж в старинных комедиях, балаганных представлениях; паяц. 3. *перен. разг. пренебр.* Тот, кто паясничает и балагурит на потеху другим, является общим посмешищем. 4. *Разг.* Употребляется в составе некоторых бранных выражений (например: шут его знает, шут с ним, на кой шут и т. п.) в значении ‘чёрт’ (МАС), из них первые три характеризуют человека, который развлекает, веселит других шутками и / или своим поведением, вызывающим смех. Отметим, что употребление слова *шут* в переносном значении имеет пренебрежительный оттенок.

Мы проанализировали «портрет слова», который предлагает Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ). Этот ресурс позволяет «понять, как слово взаимодействует с другими словами в языке. Такое взаимодействие определяется через сочетаемость (коллокации) со словами разных частей речи с учетом синтаксических связей, которые покрывают основные зоны “работы” слова в языке. Для слов разных частей речи наи-

¹ Вяземский Ю. П. Шут. М.: АСТ, 2010. 160 с.

более показательный набор синтаксических связей свой»². Согласно корпусным данным, слово *шут* сочетается с такими определениями, как *гороховый, балаганный, площадной, придворный, шекспировский, полосатый, бродячий, добровольный, цирковой, остроумный*, что в большинстве своем прямо (*остроумный, балаганный, придворный*) или косвенно (*площадной, цирковой*) свидетельствует о реализации ядерных сем слова, отмеченных в словаре.

Сочетания с глаголами, при которых *шут* является дополнением, демонстрируют ту же картину, ср.: *корчить, разыгрывать, разыграть, валять, изображать, строить, включить, завести, играть, звать*. Почти все эти глаголы (кроме *завести* и *звать*) реализуют третье словарное значение, это свидетельствует о том, что слово *шут* чаще всего используется для обозначения некой ситуативной роли, которая оценивается отрицательно, ср. *корчить* (3. разг. Стараться казаться кем-л., каким-л., прикидываться кем-л. (МАС)), *валять* (Валять (или ломать) ваньку (*прост.*) – 1) дурачиться, потешать глупыми выходками; Валять (или ломать и т. п.) дурака (*прост.*) – 2) дурачиться; притворяться не знающим, не понимающим чего-л. (МАС)), *строить* (Строить из себя кого – стараться создать о себе какое-л. впечатление, представить себя кем-л., каким-л. (МАС)) и др.

Чаще всего в предложениях *шут* идет в одном сочинительном ряду с такими словами, как *скоморох, шутиха, дурак, юродивый, дурачок, шутовка, клоун, карла, забавник*, которые являются его синонимами и тоже передают пренебрежительное отношение к человеку, названному этим словом, ср.: *клоун – 2. перен.* Паяц, шут, фигляр (разг. неодобр.) (РСС).

Ближайшими семантическими ассоциатами *шута*, по данным НКРЯ, являются слова *скоморох, клоун, фигляр, лизоблюд, паяц, гаер, болван, забавник*, отчасти они тоже представляют собой синонимы слова *шут*: *скоморох, клоун, паяц*, отчасти передают резко отрицательное отношение к шуту как к человеку корыстному или глупому, ср. *лизоблюд – разг. презр.* Тот, кто прислуживается к кому-л. из мелких, корыстных побуждений; *болван – 3. бран.* О бестолковом, глупом человеке (МАС).

Таким образом, анализ словарных данных и данных портрета слова *шут* в НКРЯ показал, что чаще всего в современных текстах оно встречается в значении 'тот, кто паясничает и балагурит на потеху другим, явля-

² Национальный корпус русского языка: URL: <https://ruscorpora.ru/s/b6Mqn/ruscorpora.ru/s/b6Mqn> (дата обращения 13.03.2024).

ется общим посмешищем' (МАС), используется оно в пренебрежительном смысле, а основными семами являются 'смех' и 'представление'. Ожидается, что цель разыгрываемой роли шута – вызвать смех и тем самым привлечь к себе внимание, поэтому роль шута характеризуется 1) гротескным исполнением, 2) «узнаванием» зрителями, 3) открытым использованием маски: в отличие от большинства случаев, когда маска является средством добиться цели в образе другого человека и при этом позволяет скрыть истинное «лицо», маска шута принципиально ориентирована на разоблачение, поскольку никто всерьез не думает, что человек всегда на самом деле такой, каким себя предъявляет, ср.:

И во мне действие этого хорошего тона выражалось, между прочим, в том, что я, не переставая веселиться у Философовых, не **корчил** из себя **шута**, не ломался и не фиглярничал – чем я грешил (из вящего самолюбия, из желания обращать на себя внимание) с раннего детства (А. Н. Бенуа. Жизнь художника (1955));

С нами ехал один уголовный, который уже был на Соловках в 1929 году и в 1930 году бежал, был пойман и возвращался с увеличенным сроком. <...> Держался по-дурачки, кривился, **изображал шута**. – Эй, рыжий, – обратился к нему рабочий, – как на Соловках жить-то будем? – Сам увидишь, весело там! – отвечал тот, кривляясь. Он засмеялся и обнажил бледные десны, совершенно лишенные зубов. – Видишь, зубы-то мои какие красивые (В. В. Чернавин. Записки «вредителя» (1935)).

Однако в повести Ю. Вяземского «Шут» главного героя Валу Тряпишникову никому из одноклассников не придет в голову назвать шутом, *шут* – это автономинация, которую герой использует в своем «Дневнике Шута». При этом ни внешность, ни речь, ни поведение мальчика не соответствуют стереотипному представлению о шуте:

У Шута же никогда не было прозвища, за исключением того, которое он сам себе придумал и которого никто в классе не знал. Да и непохож он был на шута, вернее, на тех школьных шутов, **вертлявых, никчемных болтунов**, которые есть почти в каждом классе и все шутовство которых заключается лишь в том, чтобы **кривляться** на уроках, **болтовней** своей мешать учителям и **надождать** сверстникам одними и теми же **глупыми выходками**. Наш Шут глубоко презирал эту **фиглярничающую братию** и никогда **не считал их за настоящих шутов**. Поведением он был молчалив и необщителен. Наружность также имел далеко не шутовскую, во всяком случае, не ту, которой обыкновенно наделены шуты в мировой литературе: не гор-

бат и не хром, не кривобок и не косоглаз. Долговязый такой паренек, с ничем не примечательным лицом, разве что чутьочку сутуловат.

Валя противопоставляет себя *школьным шутам*, которых называет *фиглярничавшей братией* и которые соответствуют стереотипному представлению о шутах: *вертлявые болтуны*, они *кривляются, мешают и надоедают глупыми выходками*. Стоит отметить, что в этом примере нашли воплощение стереотипные представления о внешности шута: горбатый, хромой, косоглазый, кривобокий, т. е. человек с видимым физическим отклонением от нормы или увечьем, часто к этому ряду добавляется еще нетипично маленький рост. Себя герой повести называет *настоящим Шутом*, причем это слово становится именем собственным (в дневнике он пишет о себе в третьем лице). В этом тексте читателю предъявляется не просто часто повторяющаяся роль, а коммуникативная стратегия «речевая маска»: подросток разработал собственную систему по борьбе с несправедливостью в отношении себя или значимых для него людей. Эта система состояла из двух уровней – высшего (*шутэ-до*) и низшего (*шутэ-кан*).

«Шутэ-кан» включала в себя несколько десятков серий стереотипных приемов, как оборонительных, так и наступательных, следующих один за другим. Шут назвал эти серии приемов «шутэнами».

Реализовывалась эта стратегия всегда по строго определенному плану. Сначала необходимо было исследовать и классифицировать противника:

Шут точно знал, перед кем ему что и как делать. <...> Даже в примитивных своих «шутэнах», которые он проводил чисто автоматически, Шут требовал от себя **«классификации» противника, хотя бы самой грубой и приблизительной, хотя бы на три категории:** «пеший», «всадник» и «Правящий Колесницей».

Затем, исходя из категории противника, выбиралась тактика – *шутэн*:

Вот простейший из них, состоящий всего из трех элементов: «блок – удар – блок».

Первый «блок» состоит в том, чтобы выбрать какую-нибудь забавную деталь в противнике и подчеркнуто внимательно рассматривать ее. После того, как противник начнет испытывать неудобство, следует «удар»: возглас типа *Господи! Какие у тебя глупые уши! Только сейчас заметил!*

и смех или прысканье в кулак; последний «блок» – сразу после этого отойти, сокрушенно качая головой.

Тряпишников внешне не похож на шута, однако он обладает качествами, позволяющими мастерски реализовывать коммуникативную стратегию:

Надо отдать должное Шуту, что «шутэны» свои он проводил мастерски. К этому у него были все задатки: он был **артистичен**, но **не переигрывал**, **пластичен**, но не **вертляв**, **способен к** мгновенной **импровизации**, но умел **не терять** над собой **контроля**, **богат фантазией**, но **чужд фантазерству**. А посему **мог сохранять естественность** там, где **другой** на его месте **выглядел бы фигляром и кривлякой**.

Артистичность, пластичность, способность к мгновенной импровизации, фантазия и строгий контроль над собой позволяют подростку убедительно исполнять роль шута, особенность же его в том, что цель *настоящего Шута* – не развлечь публику, зрителей, а наказать обидчика, высмеять его, но не с помощью острот или шуток, а, напротив, подчеркнутой серьезностью, ср.:

...Вступив в схватку с противником – или «в момент шутэ», – Шут был на редкость серьезен. Причем, **чем примитивнее был «шутэн», тем серьезнее и органичнее Шут старался в нем выглядеть**. Эффект получался разительным.

У Тряпишникова острый язык, он умен и не дает никому возможности посмеяться над собой или поиздеваться, но при этом не лезет ни в драку, ни в словесную перепалку, а отвечает очень метко и больно в самый неожиданный момент. Одноклассники знают об этом, поэтому его, с одной стороны, боятся и уважают, а с другой – ожидают от него некоего развлечения, удовольствия от того, как он неожиданно поставит на место очередного обидчика. Несмотря на то, что Шут противопоставляет себя *фиглярничавшей братии*, у «настоящего» шута есть с ней общее: потребность в зрителях, игра на публику, только для Шута публика не самоцель, а дополнительное, но очень важное средство реализации стратегии наказания врага, поскольку именно окружение высмеивает противника, тогда как Шут находит чувствительную для насмешек область и как бы случайно демонстрирует ее публике, как, например, в следующей ситуации:

Один Разумовский ничего не понял, покраснел и сердито крикнул вслед:
– Эй, как там тебя, Тряпишников! С твоей фамилией я бы вел себя скромнее!

Но Шут и на этот раз не ответил, молча проследовал к своему месту и, лишь сядя за парту, **разочарованно вздохнул и пробормотал себе под нос, но так, чтобы слышали другие**: «Какой плохой ответ. Совсем никудышный».

Теперь в классе уже не сомневались в том, что Шут вознамерился разделиться с новичком, и никто, понятно, не хотел пропустить **увлекательного зрелища**... На уроках с Разумовского теперь **не спускали жадных взоров**, на переменах старались держаться к нему поближе, чтобы, **не дай бог, не прозевать атаки** Шута, как всегда **неожиданной**.

Шуту нужны зрители, поэтому практически все свои выпады он делает исключительно при свидетелях, оставаясь при этом как бы совершенно равнодушным и незаинтересованным, но это лишь часть маски необычного, *настоящего Шута*. Со стороны его выпады кажутся зрителям импровизацией, неожиданной и непредсказуемой, тогда как сам подросток долго и основательно готовит свои *шутэны*. Так, например, чтобы наказать Разумовского, он сначала тщательно изучает его, выясняет, что тот учился в физматшколе, поэтому несколько свысока смотрит на новых одноклассников. Определив слабое место, Тряпишников приступает к реализации *шутэна*: находит оригинальную задачу по физике, не имеющую решения, уговаривает учителя физики предложить эту задачу Разумовскому, не сомневаясь, что тот клонет на приманку, и только в момент его позора как бы случайно наносит удар:

– Да нет... я... я. Ведь... – бормотал Разумовский. Жалкое зрелище являл он собой в эту минуту. <...> Разумовский не желал признавать свое поражение... стоял, вцепившись обеими руками в край стола, оскорбленный, растерянный и смешной.

Класс молчал затаив дыхание, готовый взорваться в любую минуту и как бы загипнотизированный ожиданием собственного взрыва. И в этой взрывоопасной тишине вдруг кто-то **горестно вздохнул**, и вслед за этим **отчетливый, без намека на иронию, а искренним состраданием наполненный** голос произнес:

– Эх ты! Фамилия!

И класс взлетел в воздух, схватился за животы, заерзал на стульях и затрясся в спазмах нестерпимого хохота. Даже педант-физик не удержался от улыбки. Лишь два человека не смеялись. Один в бессильной ярости озирался по сторонам, а другой, **мрачный и угрюмый**, сидел в дальнем углу класса и **смотрел в окно**.

Напускное равнодушие не обманывает только самого подростка: он знает, что настоящему Шуту зрители нужны. Сначала Шут показал всему

классу, что принял вызов от новенького, затем выдержал паузу и нанес удар в момент, когда ожидание развязки стало уже невыносимым для зрителей, поэтому результат получился весьма эффективным, когда серьезный, мрачный и угрюмый Шут произнес словно бы случайно тоном искреннего сострадания одну лишь фразу.

Таким образом, в основе РМ шута Вали Тряпишникова лежит система ценностей подростка, который в одиночку пытается противостоять несправедливости мира и делает это по-юношески жестоко. Поступки, поведение и речь героя повести мотивированы его потребностью наказать зло; с этой целью он создает маску, являющуюся эффективным оружием против врагов. Более того, система с годами развивалась и неуклонно совершенствовалась, дополнялась и уточнялась, ср.:

Шут все реже пользовался примитивной ее частью, автоматическими и полуавтоматическими «шутэнами», предпочитая им «моменты шутэ», основанные на предварительном «исследовании», **целые сценические композиции, открывающие широкий простор творческому вдохновению**, питаемому второй частью Системы – «шутэ-до», или, если угодно, «фило-софией шутовства».

Шутэ-до – это комплекс заповедей Шута, основанных на системе ценностей, которой и руководствовался подросток, используя речевую маску Шута.

Поскольку в окружении Вали не было близкого человека, с кем он мог быть собой, настоящим он предстает только в дневнике, его речь (лексика и синтаксис, манера выражать мысли) существенным образом отличается от внешней речи Шута.

Так, речь Шута весьма эмоциональна: много восклицательных предложений, наполненных эмоционально-оценочной лексикой (*Ишь, как его распирает! Сейчас драться полезет. Да разве я виноват, что у него такие уши?!; Он выжил из ума и пр.*), встречаются эмоциональные частицы (*ишь, да разве*) и междометия (*господи, ай-ай-ай*). Лексика, которую использует Шут, носит разговорный или просторечный характер (*никудашний, шею тебе свернет, распирает, выжил из ума и пр.*), в его речи много уменьшительно-ласкательных и «приторных» обращений (*Поздно, сладкая!; Ах вот, значит, как, добренькая моя!; Я гляжу на тебя, милая, как глядят на красный пион или лазурный персик; Не смейся, миленький, над тем, что тебе никогда в жизни не суждено понять; Откуда ты такая пришла, красавица?*).

Это все резко контрастирует с поведением Шута: за рамками шутэна он мрачный, молчаливый и угрюмый. Сдержанность эта тоже напускная, масочная, он приучил себя «держать лицо» на людях, потому что одна из заповедей Шута предписывает быть всегда совершенно спокойным, «на худой конец – внешне», а также не произносить без нужды ни слова, ср.:

Этому было, пожалуй, труднее всего научиться: сдерживать себя, когда вдруг **словно отключалось сознание, мутнело перед глазами и кровь так сильно стучала в ушах, что заглушала все другие звуки.**

Поэтому большую часть времени подросток немногословен, зато дневник его становится средством общения с самим собой и миром. Он пишет много и часто, речь письменная подчеркнута спокойная, логичная и рассудочная, в ней много рассуждений, а эмоциональность выражается иначе, чем в речи Шута, чаще всего с помощью иносказаний и сентенций. Сравним, как передается одна и та же ситуация в дневнике и в реальной жизни. Валя симпатизировал своему однокласснику, смешному и нелепому Котьке Малышеву; когда тот заметил его интерес и попытался сблизиться, Шут резко и грубо пресек попытку:

– Тебе интересно?.. Значит, и ты... Ты любишь муравьев?
– **Вот еще!** – **криво усмехнулся** Шут и ушел. Причем так **грубо** произнес и так стремительно удалился, что у Котьки пропала всякая охота продолжать опыт...

Зачем Шут так поступил с Малышевым? В «Дневнике» мы находим следующее объяснение:

У комнатных птиц на ногах красные веревки. Шут не может быть привязан и поэтому рвет все веревки!..

В дневнике подросток объясняет, почему он так поступил, но делает это не прямо, а в форме иносказания, из которого следует, что Шут считает дружбу путами, сковывающими человека, при этом эмоциональность выражается не только формой восклицательного предложения, но и в большей степени самой метафорой *рвет веревки*.

Кроме того, текст «Дневника Шута» – своего рода стилизация, напоминающая восточный, возможно, японский текст (родители Вали – японисты, и он с детства знаком с традиционной японской литературой), он написан отчасти в виде диалогов (чаще всего придуманных самим Шутом) между неким учеником и учителем-Шутом, отчасти в виде загадочных иносказа-

тельных сентенций, описывающих произошедшее с ним в реальности, например:

Если бы Шута спросили, чем человек отличается от животного, Шут бы ответил – лицемерием. Все остальное есть у животных. <...> **Нет ничего страшнее лицемерия! Даже жестокость!**;

Однажды у Шута спросили: «У тебя много друзей?» – «У меня нет друзей», – ответил Шут. «Неужели и правда у тебя нет ни одного друга?» – удивился спрашивающий. «Кто тебе это сказал? У меня есть друзья!» – ответил Шут.

В отличие от редких немногословных, но прямых и грубо-эмоциональных высказываний Шута, письменная речь Вали представляет собой развернутый текст, а эмоциональность передается различными средствами выразительности.

Кроме того, в «Дневнике Шута» не встречается просторечная лексика, а единственный случай использования диминутивов оценивается как нетипичный, ср.:

Кстати сказать, этим своим «шутэнном» Шут гордился, так как несколько раз упоминает о нем в «Дневнике» с **несвойственной ему уменьшительностью**: «музыкальный шутэнчик», «шутэн-игрушечка», «прелестная вещица, изящно сыгранная» и т. п.

Подводя итог, следует сказать, что в повести Ю. Вяземского «Шут» речевая маска шута выявляется путем сопоставления речевого и неречевого поведения героя, которое он демонстрирует окружающим, с дневниковыми записями Вали Тряпишникова, в которых он предстает умным, тонко чувствующим и ранимым, но при этом чрезмерно самоуверенным подростком, самостоятельно решающим, кого и за что следует наказывать. РМ шута является, с одной стороны, оборонительной стратегией, с другой – стратегией нападения, позволяющей противостоять несправедливости и наказывать глупых, злых, жестоких и пр. врагов.

В основе маски шута лежит представление о шуте как человеке, который зло и откровенно высмеивает пороки людей, несмотря ни на какие социальные ограничения (статусные, возрастные и пр.), и делает это демонстративно, чрезвычайно эффектно, но подчеркнуто безразлично и немногословно. При этом главной целью маски является прилюдное унижение противника, а не развлечение публики, поэтому Шут в повести совершенно несмешной: мрачный, угрюмый, замкнутый и необщительный.

Основными средствами создания маски являются эмотивно-оценочная лексика, разговорная и просторечная лексика, ироничные уменьшительно-ласкательные обращения, а также невербальные средства, передающие грубовато-эмоциональную манеру речи (интонация, тон, растягивание слов, скорость произнесения и пр.).

Таким образом, в повести «Шут» описывается становление личности подростка путем предъявления читателю, с одной стороны, цитат из «Дневника Шута» с последующим их комментированием рассказчиком-исследователем, с другой – описания того, что «было на самом деле» – ситуаций, в которых герой предстает в образе шута. Такой способ представления персонажа создает как бы объективное его описание, практически научное исследование, предоставляющее читателю возможность дать самостоятельную оценку личности и поступкам героя.

Список литературы

- Бахтин М. М.* Человек в мире слова. М.: РОУ, 1995. 140 с.
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987. 264 с.
- Родина Ю. Д.* Языковая личность персонажа в автобиографической прозе А. Белого (на материале романа «Котик Летаев»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2020. 18 с.
- Хисамова Г. Г.* Персонаж художественного текста как языковая личность // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 774–777.
- Чернейко Л. О.* «Вероятностный мир» языковой личности (применительно к анализу художественного текста) // Вопросы психолингвистики. 2020 № 3 (45). С. 137–152.
- Чурилина Л. Н.* Антропоцентрический принцип в исследовании лексической структуры художественного текста // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2003. Т. 3, № 5. С. 63–75.

Список словарей

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981–1984. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения 14.02.2024).

РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой.

М.: Азбуковник, 1998. URL: <https://www.slovari.ru/default.aspx?p=235> (дата обращения 14.02.20024).

References

Bakhtin M. M. *Chelovek v mire slova* [A man in the world of words]. Moscow, ROU Press, 1995, 140 p. (in Russ.)

Cherneiko L. O. “Veroyatnostnyi mir” yazykovoi lichnosti (primenitel'no k analizu khudozhestvennogo teksta) [“The probabilistic world” of a linguistic personality (in relation to the analysis of a literary text)]. *Voprosy psikholingvistiki* [Questions of psycholinguistics], 2020, no. 3 (45), pp. 137–152. (in Russ.)

Churilina L. N. Antropotsentricheskii printsip v issledovanii leksicheskoi struktury khudozhestvennogo teksta [The anthropocentric principle in the study of the lexical structure of a literary text] *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University], 2003, vol. 3, no. 5, pp. 63–75. (in Russ.)

Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, 1987, 264 p. (in Russ.)

Khisamova G. G. Personazh khudozhestvennogo teksta kak yazykovaya lichnost' [The character of a literary text as a linguistic personality]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky], 2010, no. 4 (2), pp. 774–777. (in Russ.)

Rodina Yu. D. Yazykovaya lichnost' personazha v avtobiograficheskoi proze A. Belogo (na materiale romana “Kotik Letaev”) [The linguistic personality of the character in the autobiographical prose of A. Bely (based on the novel “Kotik Letaev”). Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Elets, 2020, 18 p. (in Russ.)

List of Dictionaries

Evgeneva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Moscow, Russkii yazyk, 1981–1984. (in Russ.) URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed 14.02.20024).

Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii* [Russian semantic dictionary.

Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1998. (in Russ.) URL: <https://www.slovari.ru/default.aspx?p=235> (accessed 14.02.20024).

Информация об авторе

Марина Владимировна Шпильман, кандидат филологических наук

Information about the Author

Marina V. Shpilman, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 21.02.2024;
одобрена после рецензирования 10.03.2024; принята к публикации 10.03.2024
The article was submitted on 21.02.2024;
approved after reviewing on 10.03.2024; accepted for publication on 10.03.2024*